

УДК 811.161.3'362+811.172'362

UDC 811.161.3'362+811.172'362

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ БЕЛОРУССКОГО И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВ

SPECIFICITY OF SUBJECT-OBJECT RELATIONS IN IMPERSONAL SENTENCES OF THE BELARUSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

А. А. Клинцева,

аспирант кафедры истории и грамматики
английского языка МГЛУ

A. Klintsova,

Postgraduate Student of the Department of History
and Grammar of the English Language MSLU

Поступила в редакцию 19.08.21.

Received on 19.08.21.

В статье проводится анализ безличных предложений, образованных одно- и двухвалентными глаголами непроизвольного движения и изменения внешнего состояния объекта. Выявлено, что при синтаксической актуализации обоим классам предикатов присущи отношения каузации, отражаемые на синтаксическом и семантическом уровнях как одностороннее воздействие на аккузативный пациентив (объект каузации) со стороны нулевого амбиентива (субъект-каузатор) либо комбинации нулевого амбиентива и инструментального элементива (сложный субъект-каузатор). В свою очередь, предложения с аккузативным экспериенсивом и генетивным локативом отражают двусторонние отношения психического субъекта (объект каузации) и конкретного, отделенного от среды субъекта-каузатора, который одновременно является объектом восприятия и оценки психического субъекта.

Ключевые слова: семантический синтаксис, субъектно-объектные отношения, каузативные безличные предложения, белорусский язык, литовский язык.

The article presents analysis of impersonal sentences created with univalent and bivalent verbs of involuntary moving and changing the outer state of the object. It is revealed that in syntactical actualization both classes of predicates are prone to relations of causation reflected on syntactical and semantic levels as one-sided impact on accusative patientive (the object of causation) from the zero ambientive (the subject-causator) or the combination of zero ambientive and instrumental elementive (complex subject-causator). In their turn sentences with accusative experiencive and genitive locative reflect two-sided relations of a psychical subject (the object of causation) and concrete subject-causator separated from the environment who is simultaneously the object of perception and evaluation of the psychical subject.

Keywords: semantic syntax, subject-object relations, causative impersonal sentences, the Belarusian language, the Lithuanian language.

Категория безличности демонстрирует удивительное переплетение семантических сфер: одна и та же предикатная единица может соотноситься с различными экстралингвистическими денотатами, сохраняя при этом свой безличный характер, конституированный непроизвольностью происходящего и инволютивностью задействованных участников [1, р. 5]. В зависимости от количества реализованных валентных позиций, качества их наполнения, способности глагола или предикатива к метафоризации, в безличных предложениях могут описываться атмосферные явления, состояния, охватывающие тело, разум и душу человека, и пр. [2, с. 272]. Несмотря на сходство в синтаксической организации многих безличных предложений, можно отметить различия на уровне отражаемых такими структурами ситуаций. Так, обобщенная денотативная структура метеорологических высказываний (например, *В отдалении гремит, На улице светло*) включает преимущественно ненаправленный процесс или состояние, субъект-каузатор которого (непосредственно наблюдаемая окружающая среда) инкорпорируется в предикате [3, с. 15], получающем неизменяемую форму третьего лица единственного числа в поверхностной структуре предложения; здесь также наблюдается скрытый участник – субъект-наблюдатель [4], осмысляющий природное явление [5, р. 366]. В свою очередь, процессы человеческого организма предполагают наличие сложной двусторонней связи между внешней или внутренней

средой и ее конкретными манифестациями, являющимися объектом восприятия психического субъекта. В свою очередь, такой субъект и сам является объектом состояния, каузированного субъектом-средой [6, с. 62]: например, в предложении *Мне тебя жаль* лексема *мне* указывает как на субъекта, так на и объект эмоционального состояния, источником которого является референт местоимения *тебя*.

На стыке описанных выше прототипических ситуаций находятся явления, которые можно обозначить как стихийное движение и трансформация свойств задействованного объекта. Такие ситуации часто актуализируются посредством безличных предложений типа *Корабль унесло (волной)* и представляют известный научный интерес: предикаты таких предложений являются акциональными и, реализуясь в безличной альтернативе как синтаксически одновалентные, сохраняют значение активного воздействия, то есть выступают как «семантически переходные». В данной статье рассматривается специфика реализации ситуаций хаотичного воздействия в так называемых транс-безличных предложениях [7, р. 108] белорусского и литовского языков с целью выявления механизмов проекции субъектно-объектных отношений денотативного уровня на поверхностный уровень таких предложений.

Исследование осуществлялось поэтапно. На первом этапе на основании синтаксической классификации Г. А. Золотовой [8, с. 234–235], подпункта «обусловленных синтаксем» твори-

тельного падежа [8, с. 232–234] и его синонимических единиц выделен класс каузативных глаголов, которые по своему значению могут быть сведены к концепту стихийного явления, или действия хаотичной силы, которая приводит объект в произвольное движение и в некоторых случаях оказывает на него трансформирующее воздействие.

Из словарей «Русско-белорусский онлайн-словарь Скарнік» [9], «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» [10], *Lietuvių-Rusų Kalbų žodynas* [11] и грамматического пособия по литовскому языку В. Амбразаса [12] отобраны аналогичные по значению глаголы хаотичного воздействия (за исключением единиц со значением болезненных ощущений субъекта, которые заслуживают отдельного анализа):

- а) 21 единица белорусского языка (к которым могут присоединяться приставки, обозначающие совершенный вид, направление движения): *трэсці*, *тузаць*, *калаціць*, *матляць* ‘трясти, дергать’, *кідаць* ‘бросать’, *цягнуць* ‘тянуть’, *абсыпаць*, *абвеяць* ‘сыпать, обсыпать’, *развязаць* ‘развевать, раздувать’, *хістаць*, *калыхаць* ‘качать’, *несці* ‘нести, обнести, разнести’, *мясці* ‘мести’, *пабіць* ‘побить, покрыть’, *расквасіць* ‘расквасить’, *зацэрушыць* ‘запорошить’, *забіць* ‘убить’, *пабіць* ‘покрыться пятнами’, *ударыць* ‘ударить’, *зالیць* ‘залить’, *рваць* ‘рвать’;
- б) 21 единица литовского языка (к которым могут присоединяться приставки, обозначающие совершенный вид, направление движения): *purtyti*, *trankyti*, *kratyti*, *krėsti* ‘трясти’, *mėtyti* ‘бросать (туда-сюда)’, *stumti* ‘толкать’, *traukti* ‘тянуть, привлекать’, *supti* ‘качать’, *nupūsti* ‘сдувать’, *berti*, *išpilti*, *barstyti*, *nukelti* ‘сыпать, веять; покрыться сыпью’, *užpustyti*, *prinešioti*, *užversti* ‘замести, занести, засыпать’, *nunešti* ‘унести’, *išmušti*, ‘побить, сбить, разбить’, *pasnaiguriuoti* ‘порошить’, *apsemti* ‘залить’, *nutraukti* ‘рвать’.

На следующем этапе из корпусов «Беларускі N-корпус» [13] и *MATAS (Morphologically Annotated Lithuanian Corpus)* [14], *Lithuanian Web 2014 (ItTenTen14)* [15] были отобраны различные предложения, образуемые описываемыми глаголами. Далее проведен анализ поверхностной синтаксической структуры с целью определения облигаторных и факультативных окружений предикатных единиц и их конкретного наполнения, с последующим переходом к семантической структуре предложения как набору взаимодействующих друг с другом функций (то есть обязательных для ее реализации актантов). Для номинации таких актантов была заимствована система падежей В. В. Богданова [16]. Наконец, результаты первого и второго этапа были соотнесены с моделью внеязыковой ситуации, стоящей за проанализированными предложениями, для выявления специфики реализации субъектно-объектных отношений.

По результатам анализа поверхностной структуры выделены две типичные синтаксические схемы: одновалентная и двухвалентная. **Одновалентная структура** является прототипической преимущественно для глаголов семантической группы произвольного движения и обозначает ситуацию резкого движения из стороны в сторону в рамках закрытого пространства, чаще всего – транспорта, информация о котором кодируется факультативной локативной группой (LocNP, LocPP) или выводится из предыдущего контекста. В свою очередь, в качестве референтов единственного сентенциального аргумента в винительном падеже (AccNP) может выступать как объект движения внутри такой закрытой среды, так и непосредственно транспортное средство:

- а) [\emptyset – AccNP – Adv_{man} – V_{imp} – LocPP] *Нас моцна трэсла на возе* ‘Нас сильно трясло на возе’ [13], где Adv_{man} – обстоятельство образа действия; б) [\emptyset – AccNP – V_{imp}] *Увесь гэты бляшаны самалёт трэсла, бы малярыйніка ў ліхаманцы* [13] ‘Весь этот жестяной самолет трясло, как больно малярией в лихорадке’.
- а) [\emptyset – LocNP – Adv_{man} – V_{imp}] *Važiavo prastu keliu, mašinoje gerokai kratė* [15] ‘Ехал по плохой дороге, в машине сильно трясло’; б) [\emptyset – AccNP – Adv_{man} – V_{imp} – GenPP] *Po vieno skrydžio į Tailandą, kai lėktuvą smarkiai purtė dėl didelės turbulencijos, pradėjau bijoti skristi* [17, p. 4] ‘После одного полета в Таиланд, когда самолет сильно трясло из-за сильной турбулентности, я начал бояться летать’, где GenPP – предложная группа в родительном падеже.

По предположениям Дж. Лавина, безличные альтернативы такого типа образуются путем *деагентивизации* – удаляется агентивное подлежащее при переходе от производящей транзитивной конструкции к безличной при сохранении пациентивного статуса единственного оставшегося аргумента [7, p. 115] (*Он меня трясет* → *Меня трясет*). Тем не менее, вслед за Б. Веме-ром и В. Бьярнадоттир [18, p. 334] кажется необходимым постулировать наличие у безличных предложений данного типа двухактантной семантической структуры: во-первых, задействованные глаголы по своему компонентному составу являются каузативными – первая группа объединена на основании дефиниций «резко двигать из стороны в сторону; вверх или вниз», вторая – «сыпать, покрывать (чем-то сыпучим – снегом, градом, песком)». Во-вторых, на уровне грамматической актуализации посредством фиксированной формы глагольной единицы в сочетании с синтаксическим нулем имплицитно участвует участник ситуации, под которым имеется в виду вся окружающая среда в целом, воздействующая на указанный объект. Мы предлагаем назвать семантическую функцию такого участника *амбиентивом*, который предполагает такие

семантические признаки, как неодушевленность, неинтенциональность и каузативность.

Семантическую структуру подобного рода предложений можно представить как однопредложенный процесс, берущий начало от *амбиентива* и завершающийся *пацентивом*. Под последним мы подразумеваем как одушевленных, так и неодушевленных референтов, являющихся «объектом действия, состояния или отношения» [16, с. 52].

Стоит также обратить внимание на глаголы *цягнуць, traukti* ‘тянуть’ с отличными от обозначенных валентностными паттернами. В процессе метафоризации подобные глаголы переходят в семантическую сферу психического восприятия и состояния, обусловленного внешней или внутренней причиной:

1. [AccNP – Ø – V_{imp} – GenPP] *Мяне цягнула ў гэтыя ўрочышчы* [9] ‘Меня тянуло в эти урочища’, где GenPP – предложная генетивная группа.
2. [Adv_t – AccNP – Ø – V_{imp} – GenPP] *Vasarą manė traukia prie jūros* [14] ‘Летом меня влечет к морю’, где Adv_t – обстоятельство времени.

При таком переходе в структуре предложения сохраняется аккузативная именная группа, однако теперь ей присваивается новая семантическая функция – *экспериенсив*, соотносящаяся только с одушевленным референтом, который «[находится] в некотором физиологическом или эмоциональном состоянии» [16, с. 53]. В свою очередь, причина того или иного человеческого состояния в случае метафоризованных глаголов движения отвечает семантической функции *локатива* – места [16, с. 54], к которому невольно стремится экспериенсив, кодируемой посредством родительного падежа.

На основании выделенных синтаксических структур и их семантического наполнения определены две возможные модели безличной актуализации экстралингвистических ситуаций непроизвольного движения объекта (Pr_{mov} – предикат непроизвольного движения):

- 1) Ø / Amb V_{imp} / Pr_{mov} → AccNP / Pat;
- 2) AccNP / Exp → V_{imp} / Pr_{mov} ← Ø / Amb.int. + GenPP / Loc.

Вторая типичная синтаксическая схема исследуемых безличных предложений является **двухвалентной**. Ее образуют глаголы, по своему значению подразумевающие изменение внешнего состояния объекта, а также некоторые глаголы непроизвольного движения: *трэсці, музаць* ‘ударять (током)’, *kratyti, krėsti* ‘ударять (током)’. Наравне с позицией аккузативной именной группы появляется позиция для именной группы в творительном падеже (InstrNP): она обычно заполняется лексемами, обозначающими «стихийные явления и технические средства» [8, с. 234–235]. В литовском языке также наблюдается ряд глаголов (*berti, išpilti, barstyti, nukelti* ‘сыпать, веять; покрыться сыпью’), обозначающих некоторую внутреннюю силу в человеческом организ-

ме, провоцирующую внешние изменения (чаще всего кожные высыпания):

1. [Ø – AccNP – V_{imp} – InstrNP]: а) *За адну ноч ваенны гарадок засыпала чыстым мяккім снегам* [13] ‘За одну ночь военный городок засыпало чистым мягким снегом’; б) *Жанчына дакранаецца рукой да металічнага прадмета, і яе музае электрычным разрадам* [13] ‘Женщина дотрагивается рукой до металлического предмета, и ее бьет электрическим разрядом’; в) *Яе твар, шыю пабіла чырвонымі плямамі* [13] ‘Ее лицо, шею побил красными пятнами’.
2. [Ø – AccNP – Ø – V_{imp} – InstrNP]: а) *Kalėdinę eglę tarsi nubarstė blizgučiais* ‘Елку будто бы обсыпало блестками’ [15]; б) *Mane daug kartų trankė elektrošoku* [14] ‘Меня много раз било электрическим током’; в) *Prieš savaitę visą veido odą išbėrė smulkiais spuogeliais* [14] ‘Неделю назад всю кожу на лице покрыло мелкими прыщиками’.

Как видно из примеров, по своим семантическим характеристикам референт именной группы в творительном падеже является преобразующей силой – *элементивом*, имеющим стихийную или органическую природу [16, с. 54], и представляет собой косвенную манифестацию [6, с. 47] каузирующей окружающей среды (*амбиентив*). Тем самым, *элементив* вместе с константным в общей семантике безличных предложений *амбиентивом* представляет сопряжение каузирующих элементов, осуществляющих свое воздействие в отношении внешнего состояния *пацентива*.

На основании вышесказанного, была смоделирована синтаксико-семантическая схема для безличной интерпретации экстралингвистических ситуаций трансформации внешнего вида или свойств объекта (Pr_{tr} – предикат изменения внешнего состояния объекта):

InstrNP / Elm + Ø / Amb V_{imp} / Pr_{tr} → AccNP / Pat.

Анализ безличных предложений, актуализирующих ситуации непроизвольного движения и изменения внешнего состояния объекта, показал внутренне присущие им отношения каузации, получающие отражение на семантическом уровне, что, в свою очередь, предопределяет падежное маркирование задействованных синтаксических групп. Реализацию таких отношений можно представить посредством 2 моделей сличения денотативного (Lg), семантического (Sm) и синтаксического (Sx) уровней предложения:

1. В модели 1 объект воздействия (O) всегда манифестируется посредством винительной именной группы, выражающей маркировку объектного элемента прототипической каузативной конструкции в преимущественно аккузативно-номинативных языках, к которым относятся белорусский и литовский. Субъект (S) воздействия в таких предложениях скрыт, но имплицитруется самой фиксированной формой глагола и мо-

жет быть косвенно выражен творительной именной группой в случае ситуаций изменения внешнего состояния объекта. В обоих случаях наблюдаются односторонние субъектно-объектные отношения:

Lg S → **O**

Sm Amb (+Elm) → **Pat**

Sx Ø (InstrNP) → **AccNP**.

2. В выявленной модели 2, где обнаруживаются аккузативный экспериенсив и генетивный локатив, отражены двусторонние дено-

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова, Г. А. Понятие личности/безличности и его интерпретации / Г. А. Золотова // Russian Linguistics. – 2000. – Vol. 24. – P. 103–115.
2. Степанов, Ю. С. Личности-безличности категория / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998. – С. 272–273.
3. Алисова, Т. Б. Очерки синтаксиса итальянского языка: семантическая и грамматическая структура простого предложения / Т. Б. Алисова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 293 с.
4. Верхотурова, Т. Л. Аналитический комплекс «Наблюдатель + Наблюдаемое» в лексической семантике / Т. Л. Верхотурова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Т. 6, № 2. – 2008. – С. 33–41.
5. Langacker, R. W. Investigations in Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
6. Бондарко, А. В. Субъектно-предикатно-объектные отношения / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказываний. Определенность/неопределенность / А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Наука, 1992. – Гл. 1. – С. 29–71.
7. Lavine, J. Variable argument realization in Lithuanian impersonals / J. Lavine // Argument Realization in Baltic. – 2016. – P. 107–136.
8. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – 440 с.
9. Русско-белорусский онлайн-словарь Скарнік [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skarnik.by>. – Дата доступа: 04.08.2020.
10. Суднік, М. Р. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / М. Р. Суднік, М. Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 2002. – 784 с.
11. Lyberis A. Lietuvių-Rusų Kalbų žodynas / A. Lyberis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. – 951 p.
12. Ambrazas, V. Lithuanian grammar / V. Ambrazas. – Vilnius: Baltų lankų leidyba, 2006. – 802 p.
13. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info>. – Дата доступу: 04.08.2020.
14. MATAS – Morphologically Annotated Lithuanian Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://corpus.vdu.lt/en>. – Date of access: 03.08.2020.
15. Lithuanian Web 2014 (ItTenTen14) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://app.sketchengine.eu/#concordance>. – Date of access: 03.08.2020.
16. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 204 с.
17. Akamauskaitė, S. Dėl nolinių veiksnių referencijos / S. Akamauskaitė, V. Kardelis // Lietuvių kalba. – 2014. – Vol. 8, № 1. – P. 1–18.
18. Wiemer, B. On the non-canonical marking of the highest-ranking argument in Lithuanian and Icelandic: Steps toward a database / B. Wiemer, V. Bjarnadóttir // Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic / B. Wiemer, V. Bjarnadóttir. – Warsaw, 2014. – Ch. 8. – P. 301–361.

тативные отношения психического субъекта как объекта воздействия (S-O) и конкретно, отделенного от среды субъекта-каузатора, выступающего объектом восприятия и оценки психического субъекта (O-S). Данная денотативная структура совпадает с таковой, характерной для предложений с глаголами психического состояния:

Lg S-O ↔ **O-S**

Sm Exp ↔ **Amb + Loc**

Sx AccNP ↔ **Ø + GenPP**.

REFERENCES

1. Zolotova, G. A. Ponyatie lichnosti/bezlichnosti i ego interpretacii / G. A. Zolotova // Russian Linguistics. – 2000. – Vol. 24. – P. 103–115.
2. Stepanov, Yu. S. Lichnosti-bezlichnosti kategoriya / Yu. S. Stepanov // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'; gl. red. V. N. Yarceva. – M., 1998. – S. 272–273.
3. Alisova, T. B. Ocherki sintaksisa ital'yanskogo yazyka: semanticheskaya i grammaticheskaya struktura prostogo predlozheniya / T. B. Alisova. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. – 293 s.
4. Verhoturova, T. L. Analiticheskij kompleks «Nablyudatel' + Nablyudaemoe» v leksicheskoy semantike / T. L. Verhoturova // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – T. 6, № 2. – 2008. – S. 33–41.
5. Langacker, R. W. Investigations in Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
6. Bondarko, A. V. Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye otnosheniya / A. V. Bondarko // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvanij. Opredelennost'/neopredelennost' / A. V. Bondarko [i dr.]; redkol.: A. V. Bondarko (otv. red.) [i dr.]. – SPb.: Nauka, 1992. – Gl. 1. – S. 29–71.
7. Lavine, J. Variable argument realization in Lithuanian impersonals / J. Lavine // Argument Realization in Baltic. – 2016. – P. 107–136.
8. Zolotova, G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar elementarnyh edinic russkogo yazyka / G. A. Zolotova. – M.: Editorial URSS, 2006. – 440 s.
9. Russko-beloruskij onlajn-slovar' Skarnik [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.skarnik.by>. – Data dostupa: 04.08.2020.
10. Sudnik, M. R. Tlumachal'ny slounik belaruskaj litaraturnaj movy / M. R. Sudnik, M. N. Kryuko. – Minsk: BelEn, 2002. – 784 s.
11. Lyberis A. Lietuvių-Rusų Kalbų žodynas / A. Lyberis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2001. – 951 p.
12. Ambrazas, V. Lithuanian grammar / V. Ambrazas. – Vilnius: Baltų lankų leidyba, 2006. – 802 p.
13. Belaruski N-korpus [Elektronny resurs]. – Rezhym dostupu: <https://bnkorporus.info>. – Data dostupu: 04.08.2020.
14. MATAS – Morphologically Annotated Lithuanian Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://corpus.vdu.lt/en>. – Date of access: 03.08.2020.
15. Lithuanian Web 2014 (ItTenTen14) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://app.sketchengine.eu/#concordance>. – Date of access: 03.08.2020.
16. Bogdanov, V. V. Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya / V. V. Bogdanov. – L.: Izd-vo LGU, 1977. – 204 s.
17. Akamauskaitė, S. Dėl nolinių veiksnių referencijos / S. Akamauskaitė, V. Kardelis // Lietuvių kalba. – 2014. – Vol. 8, № 1. – P. 1–18.
18. Wiemer, B. On the non-canonical marking of the highest-ranking argument in Lithuanian and Icelandic: Steps toward a database / B. Wiemer, V. Bjarnadóttir // Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic / B. Wiemer, V. Bjarnadóttir. – Warsaw, 2014. – Ch. 8. – P. 301–361.